

Время, что в скитаниях...

Анастасия Бойцова

Машины песни

(стилизация под цыганский романс)

I

Ой, издали, издали
Свет прольется вечерний –
Ой, свет вечерний да золотой...
Ночь, до зари, до зари
Горят при свече мне –
Уходи, погоди, постой!

Нет у меня ни богатства,
Нет у меня ни отчего дома,
Нет у меня ни души, ни воли –
Только лишь свечи погаснут,
У под камень пудовый,
У навек, прорасту травкою...

Ой, погляди на меня,
Оглянись, моя зависть –
Ой, да с порога из-за плеча...
Ой, пока жалы звенят
Да покуда глаза есть –
Не торопи мой последний час...

Нет у меня ни мониста,
Ни приворотного зелья,
Нет у меня ни вчера, ни завтра –
Только туманы повиснут,
Кану в подводную зелень,
Кану на дно, добывая,
Казаки мой!

Ой, отпылало в груди
И заря отпылала –
Ой, долу клонится голова...
Ой, погоди уходить,
Поцелуй, как бывало –
Ч, как уж больше
не целовать...

Ни серебра, ни железа,
Только горячие губы,
Красная кровь да мирская
слава...
Сам поутру пожалеешь,
Что променял на другую,
Только далеко за мною плавать!

Ой, словно лодка, луна
Все никак не причалит –
Ой, да качается в облаках...
Ой, да хороши вспоминать –
Опоздаешь к венчанью!
Ночка весенняя коротка...

Ни подвечного платья,
Ни золотого колечка,
Ни оглашения, ни причастья...
Только ракиты оплачут,
Только веселая речка
Скажет тебе за меня:
будь счастлива!

Ой, издали, издали
Свет прольется вечерний...

II

Заверни меня в собольи меха,
Повези меня кататься в санях;
Не гляди на меня так,
не вздыхай –
Я чужая, не гляди на меня!

А серезки у меня – как огни;
А рубины – розовее зари...
Не обжайвай меня, не мани,
Оттого что их не ты подарил!
Прежде не было ни бус,
ни серег,

Прежде шали по плечам
не цвели –
Прежде грошик на кольцо
поберег,
А теперь и жемчугов не сули!

Высоко твоя душа занеслась,
Да моих не разгадала
причуд –
Прежде даром целовала бы
власть,
А теперь и за сто тыщ – не хочу.

Не вздыхай день ото дня
тяжелей,
Не хули моей жестокой красы:
Прежде медного кольца
пожалел,
А теперь хоть жемчугами
осыпь!

Я любила бы тебя до седин,
Не искала б, на кого
променять –
А теперь ты на меня не гляди,
Я чужая, не гляди на меня...

III

Как по улице
Белой скатерти
Замела мои дорожки метель –
Зря ходить по ним,
Зря искать меня,
У меня, мил-друг, сапожки
не те!

За сутробами, за овинами
Безокопные хоромы мои –
Не ходи за мной, не зови меня,
Не зови меня, эй, не зови...

Вьюга снежная
Принесла меня,
Ледяная, словно по сердцу
нож;
Сгинешь в пропасти,
Сгоршишь в пламени,
Коль за мною в подворотню
свернешь!

Двери выбиты, сени вымерли –
Ни души в дому, ни сердца
в груди:
Не ходи за мной, не зови меня,
Не ходи за мной, ох, не ходи!

Шире облака
Грусть-тоска моя,
Душу праведну спущу за пуста!
На глазах моих
Нерасканных
Не слезинки – только льдинки
блестят!

Белым саваном с домовиною
Награжу за все подарки твои –
Не ходи за мной, не зови меня,
Не зови меня, эй, не зови!

Кошка

Деловитая, как на экзамене,
Обернувшись в профиль
к телевизору,
Восседаем в кресле,
Делом заняты:
Хвост вылизываем.

Атавизм от существа
пещерного
В мире городской бетонной
нечисти.

Как там в Библии
про сеть прельщения
Человеческого?

Семь тысячелетий, точно
мячики,
Канули в неведомые
низменности.
Мы с тобой у очага
дымящегося...
Ты вылизываешься.

Время растянулось,
как резиновое,
Мы с тобой в лесу
на мягком дятиле...
Почему же так гипнотизирует?
Так затягивает?

Предки-обезьяны мирно
спят еще,
Свет огня не потревожил
детства их...
(Ты теперь вылизываешь
пяточку;
Вещь ответственная.)

Древняя, как все
непредуказанное,
Бесплезная, как все
божественное,
Кошка! Беспричинная
привязанность
Вечной женственности.

Лакомый кусок мяса оленьего,
Место у огня в ближайшей
близости
За одно лишь чувство
умиления:
Ты вылизываешься...

Тянет бархатистые конечности,
Шурия на огонь зрачки
топазовые
Первое в сознание человечества
Торжество эстетики
над разумом.

И пока вокруг столетия
буйствуют,
Грохоча бессмысленными
вызовами,
Сотни тысяч лет уже
любую, как
Ты вылизываешься.

Медя

1
Время, что в скитаньях
неслось потогами,
Засочилось каплями
в этот час.
(У Медее пальцы такие тонкие,
Кажется, дотронься –
и зазвучат...)

Словно кладенец,
облеченный ножнами,
Молчалив и скрытен
отец-старик.
(У Медее волосы так
уложены –
Раковина в море не повторит...)

Если через год отвечать
потребуют,
С нетерпеньем в сердце,
с огнем в крови:
Были вы в гостях у Ээта? –
Не были, –

Скажешь ты, душою
не покривив.

Не носил вас по морю
ветер-грузеник,
Белый вал не замывал
на лету...
(У Медее пальцы –
как будто кружево
В воздухе
безмолвствующем плетут.)

Что руно – овечьи ли,
золотое ли –
Перед сетью воронова крыла?
Это значит жизнь
ничего не стоила,
Или даже попросту не была.

Так по приключениям
и пропала бы,
Ничего на память не улучив...
(У Медее профиль
такой опаловый,
Что насквозь
просвечивают лучи.)

И стоят с тобою толпой
апостолов
Первые бродяги твоих земель –
Все-то им не по сердцу,
все не попросту,
Даже подступиться поди сумеи.

Кто ты перед нею?
Дикарь без племени,
Даже слов не имущий –
объяснить...
И стоишь, как каменный,
как прилепленный
Пред стеной молчания –
и ресниц.

Словно наклонясь
над своими зельями,
Призраком колыхается и течет
Красота невнятная,
чужеземная,
Странно раздражающая
зрачок.

Море между вас –
или просто тридцать

Поколоений крови, как соль,
густых? –
Как же ты готов уже
ненавидеть их,
Эти искусовые персты...

2

Хуже поединка,
страшней экзамена,
Вчуже не представлять
твое смятение:
«Увези меня, чужеземец,
за море», –
Из надменных уст –
как веслом по темени.

Поглядеть на собственный
ворот латаный
Или на затсыливые виски ее...
Уж не издевается ли,
проклятая?
Только что ведь глаз на тебя
не вскинула!

И какой ты ей, недотроге,
суженый,
Чтоб тебя допрашивать:
«Украдешь меня?»
Ай, не по карману тебе
жемчужина!
Быть того не может,
чтоб так задешево.

И перед дружиной в холстах
некрашенных,
Перед далью пройденной,
кровью пролитой:
«А не боишься ли?» –
смеет спрашивать;
Это у Ясона-то, у героя-то!

А она, зрачком
чародсийным, дышащим
На единый миг опалив
лицо тебе:
Удержать кормило, мол,
полбеды еще:
Слово удержать –
потруднее востеро!

А она, ресницами длиннее невода
Пологом склонив
над очами-чашами:
Мол, мечом владеть –
не большая невидаль;
Властвовать собою –
судьба редчайшая!

Тысячи ли царств –
или горы вепные
Между небесами ее – и вашими?
Да какое право у этой бешеной
Спрашивать такое...
Такое спрашивать...

Да бери в свидетели хоть
Ахайю всю –
Ни один не скажет,
что слабой сыгы вы!
Ладно, увезешь.
Пусть потом не кается,
Будет знать, надменная,
как испытывать.

Годы миновали,
как ночи зимние,
А перед глазами стоят глаза ее.
До сих пор мерещится:
«Увези меня, чужеземец,
за море...»